Фронтовик Николай Фонов стал первостроителем Северска по воле случая. Такой чести он удостоился благодаря злополучным записям в личном дневнике.

ДНЕВНИК КАК ФОРМА ДОПУСКА НА РЕЖИМНЫЙ ОБЪЕКТ

ЛЮБОВЬ К ЛИТЕРАТУРЕ

Двадцатилетний солдат-победитель, потерявший правую руку, начиненный осколками и награжденный медалью "За отвагу", приехал в Томск поступать на историко-филологический факультет университета и на досуге доверил бумаге следующие размышления:

Радио до хрипоты кричит о славе Сталина, третий день подряд трубят о присвоении ему звания Героя Советского Союза и высшего военного звания генералиссимуса, о награждении его вторым орденом "Победа". Каждое слово, произнесенное им, подхватывается, сотни раз перетолковывается. В нем находят мысль гения, величайшего из великих, мудрого, легендарного полководца. Это так приелось, что я выключил и радиоприемник, и репродуктор. Пусть отдохнут головы и заболят языки у господ пропагандистов. Тогда можно продолжать радиослушание до следующего прилива льстивого раболепия.

Не русский ли народ - причина торжества гения? Не думается, чтобы он вошел в историю полководцем.

Весьма скоро наметанный по долгу службы глаз прошелся по этим и другим строкам тетрадки в линейку и остановился на еще одном профессионально интересном пассаже:

Бегал по базарам и толкучкам, чтобы приобрести учебники Вите и Лидочке, но безуспешно. Бедные дети, сегодня они пошли в школу. Как хочется им одеться почище, быть сытыми, но ни того, ни другого нет в должной мере. Что за учеба ребенку, если он голоден?! Вот "цветущая, жизнерадостная советская детвора", вот "неустанная забота" партии и прочей верхушки о народе. Взгляните на колхозника, блюстители и творцы закона. Что он есть теперь? Что осталось у него? Воздух, да, один воздух. Сколько он работает? Столько, сколько выдерживают его измученные силы. Что ест он? То, что дает ему приусадебный участок: картофель, но не хлеб. Хлеб - роскошь для него. Дети - "будущие строители коммунизма, смена отцов" - они голодны. Это уродливые рахитики, не видевшие настоящей, человеческой пищи. Я хотел бы, чтобы они были не строителями, а могильщиками этого порядка. Рылеевых и Радищевых бы сюда. Какие оды и "Путешествия" писали бы они?!

...Радио нагло продолжает призывать к еще более "неустанному" труду, быстрее вывозить хлеб "государству"... применять в качестве тягловой силы личную корову колхозника, ездить на этой корове, угробить ее и тогда - все, вы достигли цели, господа обер-болтуны, бумажные патриоты...

Хозяин дневника - выходец из простой крестьянской семьи, перед войной кончивший сельскую школу. Ему повезло: написанное потянуло всего на пять лет. Как-никак автор - инвалид войны с наградой. Дневник Фонов взялся вести еще на фронте, а когда вернулся в родную деревню Ново-Леньки на Алтае, возобновил это на первый взгляд безобидное занятие да так и продолжал его на свою голову, поступив в университет.

Началось все с детской любви к чтению. Пронес ее Николай сквозь все испытания "колхозного строительства" и войны, на которую пошел в сорок втором восемнадцатилетним парнем. Был он разведчиком-наблюдателем и радистом в артиллерийском полку, в сорок четвертом получил первое ранение, а почти сразу после госпиталя - второе. С треснувшим черепом, раздробленной кистью, лопнувшей барабанной перепонкой, поврежденным глазом и горстью осколков в теле Николай попал под нож хирурга, который без наркоза ампутировал ему руку. Через пять месяцев солдат вернулся домой, поработал и понаблюдал вокруг, а годом позже стал студентом и поселился в Томске у родной тети на улице Мельничной, 18.

В студенческой среде без обсуждения мировых проблем не обходилось. Как-то, стоя у карты с сокурсником, Николай хлопнул ладонью по Америке и произнес: "Вот страна экономического изобилия, к которому должна стремиться Россия". Похоже, у этих слов было долгое эхо. Дальше - больше. Еще одному товарищу по университету Фонов даже дал почитать дневник. Записи приятелю захотелось перечитать, и Николай снова не отказал. Когда же крестьянский сын сдал на пятерки первую сессию, выяснилось, что он провалился по внепрограммной дисциплине "Умение помалкивать". Каникулы отличника прервались, когда в дом на Мельничной под надуманным предлогом пришли люди из "органов" и как бы случайно, но удивительно быстро наткнулись на заветную тетрадь.

После начальной спецобработки новичка поместили в камеру, где уже сидели трое. Один представился Россовым, рассказал, что сдался фашистам, служил адъютантом у лейтенанта Шахта, сына германского министра финансов, а сейчас ожидает "пыжа". После вызовов из камеры Россов не раз возвращался с булкой хлеба, и это наводило на размышления. Человек в шинели по фамилии Корнилов родился на Западной Украине, входившей в состав Польши, служил в польской армии, попал в плен, бежал, партизанил и был награжден каким-то французским орденом. Потом орденоносец имел безрассудство репатриироваться на историческую родину, был поселен в Томске и работал на ТЭМЗе, пока не оказался за решеткой. Третьим в камере был малограмотный старик-ездовой из системы общепита. Его взяли за "антисоветские" выпады в адрес столовской пищи.

СОЛЯНАЯ, СОЛЯНАЯ

Арестовали студента тут же, и в подвале здания на Соляной площади он был сразу взят в оборот: двое суток без еды, многочасовая выстойка на сухом островке в камере, залитой водой, ожидание пули в затылок и череда допросов. Начальником томского НКГБ был тогда полковник Турчанинов, а его замом - подполковник Волков. Последний полюбопытствовал, и Фонова специально водили к нему в кабинет. Трудились же над новым арестантом лейтенант Селин и Трошин.

Всего на Соляной тогда содержались человек семь-восемь. Нагрузка на следователей падала незначительная, и с каждым арестантом можно было повозиться. Фонову, например, начальник следственного отдела майор Лев устроил очную ставку с сокурсницей. Сценка получилась на загляденье. Девушка рыдала, а Лев строжился: "Говори, как условились!" Выход из тупика указал сам подследственный: "Не стесняйся. Говори, как приказано. Ни хуже, ни лучше ты мне не сделаешь".

Через два месяца, в апреле 46-го, облсуд под председательством Истеева приговорил Фонова к пяти годам лагерей с последующим поражением в правах на два года. Процедура на улице Р.Люксембург заняла всего час.

В АСИНЛАГЕ И НА ПЯТОМ ПОЧТОВОМ

Первая годовщина Победы совпала с прибытием воина-победителя в лагпункт близ Асиновского лесозавода. В зоне стояли четыре мужских и один женский барак. Контингент зэков в основном состоял из мелких уголовников плюс человек 60 по 58-й статье. Среди них была соавтор вузовского учебника истории Фаина Хейфиц, заведовавшая лагерной самодеятельностью, и бывший директор Томского музучилища Мацулевич, руководившая хором.

Много в зоне было и прибалтов. Хлебопекарней заведовал экс-чекист Майский, однако от голода это зэков не спасало. Среди них встречались пеллагрики, но все же сиделось в Асине полегче, чем где-нибудь на Колыме. Инвалиду Фонову повезло: вместо лесозаготовок он был определен на конторскую работу, участвовал в самодеятельности, время от времени слушал по радио голос диктора, которым стал его товарищ, бравший почитать дневник. В лагпункте Николай пробыл до самого его закрытия осенью сорок восьмого.

Зэков перебросили частью в лагерь у Итатки, частью - в бывшую колонию "Чекист", где мотали сроки политкаторжане с номерами вместо имен. В большинстве это были украинцы, прибалты и власовцы. На базе "Чекиста" и начал строиться город под названием "почтовый ящик №5". В числе его первостроителей вместе с Фоновым можно назвать, например, начальника штаба литовской армии Жукаускаса. Всего зэков набиралось в "Чекисте" под тысячу. Вместе с проходившими по 58-й статье строили будущий Северск и бытовики, которых было много меньше. Чтобы ускорить ввод в строй важного объекта, для всех ввели зачеты рабочих дней.

Инвалидность лагернику на пользу. Устроился Фонов в культурно-воспитательной части, редактировал стенгазеты, участвовал в самодеятельности, а о политике говорить избегал. И все-таки стал он жертвой доноса. За пустяковое нарушение режима Николай лишился зачетов, затем был переведен на базу снабжения, куда с Томска-II по ветке поступали грузы. Здесь пришлось поработать и физически, но приближалось освобождение, и 31 мая пятидесятого искалеченный человек вышел на волю, чтобы начать скитания по больницам и госпиталям Союза.

МЕШАЮТ ЖИТЬ ОСКОЛКИ

Осколки ему извлекали отовсюду. В Киеве мученик перенес тяжелейшую операцию на печени. А в пятьдесят седьмом, когда Николай работал диспетчером на Томском электроламповом, в клинике Савиных ему сделали трепанацию черепа. Но рук Фонов никогда не опускал, закончил-таки свой факультет университета, правда, заочно, и 25 лет отработал в школе, заслужив море благодарностей. О лагерном прошлом он молчал и дневников, понятно, больше не вел.

Но пришли другие времена и другие нравы. Реабилитацию томич получил лишь летом 92-го после долгих проволочек. Признание Фонова невиновным далось властям настолько трудно, что было принято аж на уровне Генеральной прокуратуры. Это не только гримасы бюрократии. Сказалось и то, что бывший узник принадлежал к тем пяти процентам политзаключенных ГУЛАГа, которые были сознательными противниками сталинского строя.

Сейчас Николай Федорович - почтенный глава семейства. Живет в Томске. После сорока лет счастливого супружества он отец двух дочерей и дед троих внуков. Ветеран по-прежнему продолжает трудиться. Но война до сих пор дает о себе знать. Последний осколок извлечен из-под ногтя летом этого года, а сколько еще осталось - неизвестно.

Злополучный дневник возвращен ему из архивов томского УКГБ и хранится как память. И сегодня его автор готов подписаться под каждой из "крамольных" строк, за которые поплатился в молодости.

Николай КАЩЕЕВ.
Фото: Игорь ЩЕГЛИК.